

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ

ИССЛЕДОВАНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ответственный редактор
А. М. ГРАЧЁВА

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
1994

Рецензенты Л. Н. КЕН, С. Ю. ЯСЕНСКИЙ

ISBN 5-86007-024-1

© Институт русской литературы (Пушкинский
Дом) Российской Академии наук, 1994
© Издательство «Дмитрий Буланин», 1994

С. Н. ДОЦЕНКО

«АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЕ» И «АПОКРИФИЧЕСКОЕ» В ТВОРЧЕСТВЕ А. РЕМИЗОВА

Закурекал бы, да головы нет:
давно оттяпана!

А. Ремизов
Слово о гибели Русской земли.
5.X.1917.

Творчество А. Ремизова отличается высокой степенью автобиографичности, своего рода «панавтобиографизмом» — всеобъемлющим проникновением мотивов биографии писателя в его литературные произведения. В 1912 г. он заметит по этому поводу: «Автобиографических произведений у меня нет. Все и во всем автобиография...».¹ Акцент сделан, конечно, на второй части этого признания. Первая же констатирует, что для Ремизова не существовало деления на произведения «автобиографические» и «неавтобиографические» (в традиционном понимании). «Автобиографизм» собственного литературного творчества будет затем осознан как авторский принцип, как концепция творчества: «Литературное произведение, или „изящное“, как говорили в старину, противопоставляя „статьям“, — ключ для познания автора: по роману, повести и рассказу можно больше сказать об авторе, чем из самой подробнейшей его биографии, написанной кем-то (...)».² В то же время Ремизов оговаривает, что литературный текст не есть фактологически точное воспроизведение биографии писателя (либо отдельных событий его биографии): «Литературные произведения для писателя все, но не следует искать в них биографическую последовательность и фактов из его „живой“ жизни».³

Примирить эти два несколько противоречащих друг другу взгляда дает возможность такая особенность ремизовского «автобиографизма», как его «мифологичность» — склонность к мистификации, когда действительный факт соединяется с заведомым вымыслом. Реальное (действительно бывшее) и вымышленное интерферируют, создавая неожиданные и невероятные конструкции. Особенно примечательна роль автобиографических мотивов в произведениях, которые в силу своей жанровой специфики изначально не предусматривают воз-

возможность включения в них фактов биографии писателя (или мотивов, с нею связанных). Речь идет об «отреченных» повестях А. Ремизова, т. е. переложениях и обработках книжных и фольклорных апокрифов. Христианские апокрифы хорошо известны древнерусской литературе и фольклору. События и лица, в них описываемые, принадлежат библейскому (или вообще легендарному) универсуму, вневременному и внеисторическому. Поэтому значимыми их признаками будут «мифологичность», «баснословность», «легендарность». И их литературные имитации по сложившейся к началу XX в. традиции придерживались правила, запрещавшего эксплицитно вводить в текст современные писателю реалии, имена, образы. Так, Н. Лесков, комментируя свою повесть «Зенон-златокузнец», специально оговаривал: «Повесть „Зенон“ относится к III веку христианства в Египте (...) Тема для нее взята из апокрифического сказания, давно признанного баснословным (...) Ничего представляющего какие бы то ни было современные происшествия в России, в Европе или вообще на всем белом свете, — в повести моей нет».⁴ Этому правилу следует и современник Ремизова — Л. Андреев в своей повести «Иуда Искариот» (1907). Хотя современный подтекст и у Лескова, и у Андреева имел место. Но именно — подтекст. Метод, позиция Ремизова были несколько иными.

«...В моих „реконструкциях“ старинных легенд и сказаний не только книжное, а и мое — из жизни — виденное, слышанное и испытанное. И когда я сидел над старинными памятниками и, конечно, неспроста выбирал из прочитанного, а по каким-то бессознательным воспоминаниям — „узлам и закрутам“ моей извечной памяти (...)».⁵

По «узлам и закрутам» своей памяти писал Ремизов «отреченную» повесть «Рождество Христово» (1910), которая является «реконструкцией» евангельской легенды о рождении Христа. Причем автор опирается не только на каноническую версию, но и на апокрифическую. Именно в апокрифической версии христианской легенды упоминается Саломея (Соломонида) — повивальная бабка, принявшая роды у Богородицы.⁶ В ремизовском апокрифе также фигурирует бабка Соломонида: «Посылает Богородица Иосифа за бабкой: привести ей бабку-старуху. А где в поле найдешь бабку? Пошел старик по дороге и сам не знает, где искать ему старуху (...) И видит старик — бежит навстречу старуха, так по сугробам и бежит (...) Из города она Вифлеема. Соломонидой зовут. Уложила она спать внучонка Петьку-неугомона, стала сама укладываться, — день-то деньской за работой умаешься! — и только что завела глаза, слышит, ровно зовут ее.

— «Иди, — говорит, — Соломонида, на поле, помощь нужна!».⁷

Но бабка Соломонида и ее внучок Петька, попавшие в «библейскую» историю — персонажи не совсем библейские (тем

более что о внучонке Петьке ничего в апокрифе не говорится), да и вся повесть Ремизова окрашена явно не библейским «северным» колоритом, странным для библейских Иерусалима и Вифлеема (снег, лед, мороз, сани, в которых едут на перепись Иосиф с Богородицей и пр.). Ремизов как бы переносит евангельские события в иной культурно-географический контекст («северный» и «русский»). «Северный» колорит евангельского события (Рождество Христово) мог быть подсказан Ремизову картиной Питера Брейгеля Старшего «Перепись в Вифлееме»: «Когда я первый раз увидел „Вифлеемскую перепись“ (sic! — С. Д.), я как сам побывал в заброшенном фламандском селе „Вифлееме“, где чудо Рождества Спасителя мира закреплено в кругу своих земляков-фламандцев на этой земле под „нашим“ небом. И не могу себе представить, как иначе изобразил бы я евангельское Рождество».⁸ Примечательно, что Рождество для Ремизова совершается под «нашим» небом (строго говоря, и библейским, и «фламандский» Вифлеем для него одинаково «чужие»).

За «национализацией» библейского сюжета следует другой шаг: привнесение в него современных писателю мотивов и реалий. В эпизоде избиения младенцев солдатами Ирода (апокриф обычно сообщает о «войнах» — следовательно, и здесь можно говорить об анахронизме) фигурируют «солдатские сабли», «сапоги», «пики» — скорей детали современные, нежели библейские: «Солдаты врывались в дома и, отрывая от материнской груди младенцев, душили малюток, других выбрасывали из колыбелек и сонных топтали сапогами. Дети просыпались от крика и, ничего не понимая, сами подставляли шею под солдатские сабли» (163). Современные реалии еще более очевидны во 2-й редакции повести («Рождество», 1928): «Барабанный бой и трубы — гремит среди ночи царский город Иерусалим. Площади переполнились народом. По улицам бегут люди: кто-то крикнул «стреляют из пулеметов!» С музыкой и песней выступил карательный отряд в Вифлеем».⁹

Тема избиения младенцев ассоциируется у Ремизова с событиями сугубо современными — революцией 1905 г., с кровавым террором во время ее подавления. Не случайно в рассказе «По воле» (кстати, «рождественском», называвшемся вначале «Святой вечер») появляется красноречивый мотив: «... Ирод-царь послал посланных по всей земле русской младенцев избивать».¹⁰

В письме А. Блоку от 18.III.1911 г. Ремизов вновь обращается к событиям 1905 г.: «О Московском восстании интересная книга есть Владимирова. Не найдете ли ее?».¹¹ Речь идет о брошюре В. Владимирова «Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-казанской железной дороге» (М., 1906), в которой документально описана бессмысленная жестокость солдат, расправлявшихся с рабочими. Жертвами этой жестокости стали многие невинные люди. Возможно, этот источник объясняет, почему солдаты Ирода,

посланные в Вифлеем, у Ремизова названы «карательным отрядом».

Событиям 1905 г. посвящен и рассказ, написанный чуть позже, — «Петушок» (1911). Действие его происходит в Москве, в декабре 1905 г., когда наступило «тревожное время, памятные дни жертв народных и вольности».¹² А героями его стали тоже ... Петька и его бабушка, которых мы видели уже в «Рождестве Христовом». Сходство персонажей «Петушка» и «Рождества Христового» не вызывает сомнений. В «Рождестве Христовом» Петька — из числа «детей вифлеемской голытьбы, ютившейся в углах и коморках» (163). В «Петушке» он вместе с бабушкой снимает бедную комнатуху в подвале на Земляном валу у Николы Кобыльского. Совпадают и кульминационные эпизоды. В «Рождестве Христовом» Петька гибнет от ножа солдата Ирода: «По случаю переписи кто-то пустил слух (...) будто ночью придут записывать детей на елку. Дети, которые постарше, не спали ночь: дожидались. И когда пришли солдаты, ребятишки бросились к солдатам, думая, — вот пришли записывать их на елку! (...) Кричит Петька солдатам:

— Меня не забудьте! — чуть не плачет мальчонка: никогда он ни на какой елке не был. Солдат схватил Петьку:

— Не забудем, — говорит, — не забудем! — да ножом его по горлу, будто куренка» (163). Последний мотив (куренок, т. е. цыпленок-петушок) также отсылает к рассказу «Петушок», в котором сравнение мальчика Петьки с петушком — лейтмотив всего рассказа. Тот же мотив — в редакции 1928 г.: «Солдаты врываются в дома и, отрывая у матерей от груди малюток, свертывали им шею, как цыплятам».¹³

В «Петушке» Петька гибнет от пуль солдатского патруля: «С криком выскочил Петька со двора на улицу (...) Проезжавший патруль от Сухаревки, миновав Хишинскую фабрику, расчищая путь, открыл огонь по улице. Петька кувыркнулся носом в снег, схватился за картуз и больше уж не встал».¹⁴ Да и гибель Петьки-Петушка отнесена к последним числам декабря, когда отмечается день памяти избития младенцев (29 декабря). Но самое интересное, что в системе ремизовской поэтики Петька — образ автобиографический, или, если быть более точным, имеющий тенденцию быть таковым. В отношении героя рассказа «Петушок» есть прямое свидетельство автора: «и Петька («Петушок» в Альманахе XVI Шиповника) тоже я, себя я описываю».¹⁵ На первый взгляд это кажется странным: в 1905 г. Ремизову исполнилось 32 года, да и жил он в Петербурге,¹⁶ а не в Москве. Но хронологическая недостоверность такого «автобиографизма» как бы компенсируется достоверностью то по географической. Район Москвы, где жил герой рассказа «Петушок» и где происходили основные события, — это район улиц Земляной вал, Воронцово поле, Гороховская, Сыромятники, Николо-Ямская. Т. е. локус, где прошли детские и отроческие годы жизни Ремизова. Дом купцов Найденовых, в котором жил

Ремизов в детстве (1879—1896), находился на улице Земляной вал (д. 53) — именно там жили Петька и его бабушка. Здесь же, в приуздском районе, находились и Курский вокзал, и Андрониев монастырь, и завод Гужона, упоминаемые в «Петушке». В книге «Петербургский буерак» (1933—1946) писатель вспоминал: «Вечером, знакомой дорогой — иду по правой стороне с Земляного вала — сколько лет ходил на Старую Басманную в училище ¹⁷ — мимо Рябова, мимо Курского вокзала, Погодинской церкви Никола Кобыльский...».¹⁸ В «Петушке» герой идет тем же маршрутом, что и когда-то в детстве Ремизов:

«Петька шел мимо Курского вокзала, мимо Рябовского дома (...) шел на Воронцово поле к Илии Пророку. Весь Введенский переулок травой устлали, всю мостовую покрыли свежей накошенной травой, тут была и Хлудовская трава и от Найденowych (...) все прихожан богатых».¹⁹ Знаменательно упоминание Найденowych — родственников по материнской линии, в доме которых на Земляном валу и жил Ремизов. Богомольность Петьки и его бабушки тоже автобиографична. «Бабушка богомольная, не пропускала она ни одной службы и, когда случался покойник у Николы Кобыльского, пойдет и за обедню и на панихиду со свечкой постоять, во все крестные ходы с Петькой ходила».²⁰ «Петька с бабушкой всякое лето ходил на богомолье (...) под Звенигород (...) к Саввинскому монастырю, а от Звенигорода, от Саввы преподобного к Николо-Угреше, а от Николо-Угрешки к Троице-Сергию».²¹

Церковные службы, крестные ходы, хождения на богомолье вошли в жизнь Ремизова с раннего детства, о чем он не раз вспоминал: «Всенощные, обедни и ранние и поздние, часы великопостные, ночные приезды в наш дом чудотворных икон, ночные и дневные крестные ходы, хождения по часовням и на богомолье по святым местам, заклинание бесов в Симоновом монастыре, жития из Макарьевских четий-миней, — вот моя первая грамота и наука...».²² «Воспитание получил я строго-религиозное, и это дало мне возможность узнать близко всю обрядовую сторону русского православия, а хождения по монастырям «на богомолье» — быт монастырский, странников убогих и душу народной веры, сказавшуюся в отреченных (не канонических) легендах — апокрифах».²³ О хождении на богомолье Ремизов написал рассказ «Богомолье» (1905), где также нашли отражение детские впечатления. Здесь мы вновь встречаем Петьку и его богомольную бабушку. На автобиографичность и этого рассказа указывает сам Ремизов: «На просьбу рассказать о его хождениях на богомолье в детстве (ходили они и в Косено, и в Троице-Сергиевскую лавру, а то к Спасу Сторожевскому в Звенигород) Алексей Михайлович отвечает: «Я об этом все уже сказал в „Посолони“. В рассказе „Богомолье“ есть о мальчике Пете».²⁴ Это еще раз подтверждает автобиографичность образа Петьки — героя, кочующего из рассказа и попавшего, наконец, в ... апокриф. Смысл этого приема применительно к «Рождеству

Христову» — апокрифу — достаточно прозрачен: помещая автобиографический образ в художественное пространство и время апокрифа, писатель делает себя причастным к библейскому событию, его очевидцем и участником. «Я живо чувствую свое присутствие в высоких событиях человеческой истории или даже легенд»²⁵ — признался как-то Ремизов. Именно поэтому он был в числе строителей Вавилонской башни, присутствовал при казни протопопы Аввакума, «был птичкой — постучал Божьей матери в окошко, когда мимо вела Спаса».²⁶ Или: «Я провожал Петра, когда пропел петух и раскаянье выжгло мои слезы (...) Я с Николой прошел всю русскую землю...».²⁷ Подобные перемещения во времени и пространстве — вполне в духе Ремизова. Для него события исторические, легендарные либо мифологические были не чем-то далеким и отвлеченным, а близким и конкретным. Личная биография, личная судьба писателя — и мировая история (легенда, миф, предание) оказывались взаимопроницаемыми, а их пространственно-временная несоместимость становилась фикцией, легко преодолимой. Более того, легендарное и мифологическое приобретали статус реальности в той же мере, в какой и «факты» современной писателю действительности. За всем этим стояло стремление ощутить трагизм истории и мифа, а вместе с тем — трагизм личной судьбы.

«Все, что я пишу — моя исповедь»²⁸ — признавался Ремизов в конце жизни. И в этом признании — ключ к пониманию его своеобразного «автобиографизма»:

Примечания

¹ Ремизов А. Автобиография. 1912. // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 11.

² Ремизов А. Учитель музыки: Каторжная идиллия. Paris, 1983. С. 505.

³ Там же. С. 505.

⁴ Лесков Н. Собр. соч.: В 11-ти томах. М., 1958. Т. 11. С. 241.

⁵ Ремизов А. Подстриженными глазами: Книга узлов и закрут памяти. Париж, 1951. С. 132.

⁶ См.: Барсов Е. В. О воздействии апокрифов на обряд и иконопись. // Журнал министерства народного просвещения. 1885. декабрь (№ 12). С. 110. Отметим, что имя «Соломонида» позаимствовано Ремизовым из фольклорной редакции апокрифической традиции: в русских народных заговорах поминается «баба Салманида, коя Иисуса Христа самого повивала, пеленами пеленала, шелковым поясом свивала, нетленную ризу-рубашу накидала...» (*Виноградов Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч.* СПб., 1908. Вып. 1. №79).

⁷ Ремизов А. Сочинения. СПб., [1912]. Т. VII. С. 152—153. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы.

⁸ Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 214.

⁹ Ремизов А. Звезда надзвездная: Stella Maria maris. Paris: YMCA PRESS, MCMXXVIII. С. 63.

¹⁰ Ремизов А. Рассказы. СПб.: Прогресс, 1910. С. 94.

¹¹ Литературное наследство. М., 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 91.

¹² Ремизов А. Повести и рассказы. М., 1990. С. 368.

¹³ Ремизов А. Звезда надзвездная. С. 63. Событие избияния младенцев воинами царя Ирода подробно описано в апокрифическом «Слове на Рождество

Христово о пришествии волхвов»: «Инии бо от нихъ мечемъ просѣжаеми бывають, инии соулицами понижаеми бывають. А инии на копия възнизаеми. А инии о камень за власы разбиаеми. ови за нозѣ прѣнзаеми ими. А инии о стѣноу приражаеми ими. А овоихъ же подавляхоу» (*Порфирьев И. Я.* Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890. С. 163). Но один мотив, как кажется, навеян событиями вполне современными. 25.X.1905 г. Ремизов записывает в дневнике, цитируя газетные сообщения о погромах: «Когда я слышу о событиях — о митингах и шествиях, мне приходит на ум маркиз де Сад. И у нас было бы ему что посмотреть (...) «грудных детей убивали и потом разрывали на части» (Одесса)» (*Ремизов А. Кукха: Розановы письма. Берлин, 1923. С. 28.*). Эта жуткая деталь и попала в «Рождество Христово»: «Вытаскивали детей, словно котят, на улицу и давили лошадьми, и вешали, и кололи пиками, и разрывали...» (*Ремизов А. Сочинения. Т. VII. С. 163.*)

¹⁴ *Ремизов А. Повести и рассказы. С. 375. Ср. эпизод гибели Петьки в «Рождестве» (редакции 1928 г.): «Солдат схватил Петьку: — Не позабудем! — да винтовой его. И, не пикнув, ткнул Петьку носом — и потекла кровь из рта»* (*Ремизов А. Звезда надзвездная. С. 64.* Аллюзия на рассказ «Петушок» (как и вообще на события 1905 г. — примечательно появление в апокрифе такой детали, как «винтовка») здесь более явная. Петька, который «никогда ни на какой елке не был» — образ, обнаруживающий и литературные коннотации (святочный рассказ Ф. Достоевского «Мальчик у Христа на елке», в котором выведен мотив ребенка, лишённого рождественского праздника с традиционной елкой. Иначе откуда в Вифлееме могла взойти рождественская елка?). Но этот литературный мотив имеет скрытый автобиографический подтекст. Дело в том, что детство Ремизова прошло в доме Найденовых, купеческой семье с ее патриархальными нравами и обычаями, о чем вспоминал писатель: «Елка не московское, елка на Москве с Лефортова, не свой, чужеземный обычай. Наш дом старозаветный, и мы не знали ни о какой Рождественской елке» (*Ремизов А. Огонь вещей. М., 1989. С. 436.*) И детство Ремизова, как видим, тоже прошло без обязательной елки в сочельник.

¹⁵ *Ремизов А. Автобиография. 1912. // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 11.* В связи с образом «петушка» напомним, что, обыгрывая собственную фамилию, Ремизов подчеркивал ее «орнитологический» аспект: «Ремизов, происходя от птицы» (подробнее см.: *Безродный М. В. Об одной подписи Алексея Ремизова // Русская литература. 1990. № 1. С. 224—228.*) О «петушиной» теме в творчестве А. Ремизова см. также: *Доценко С. Почему обезьяна кричит петухом: Об одном мотиве у А. Ремизова // Тезисы докладов научной конференции «А. Блок и русский постсимволизм». 22—24 марта 1991 г. Тарту, 1991. С. 76—78; Безродный М. Об одном приеме художественного имяупотребления (Nomina sunt odiosa) // В честь 70-летия профессора Ю. М. Лотмана. Тарту, 1992. С. 213—214.*

¹⁶ «Петербургские» автобиографические реалии, как ни странно, тоже попали в «Петушок». В надписи, сделанной на отдельном издании рассказа (Берлин, 1922), Ремизов сообщил: «А этот Петушок — память о революции 1905 года (...) тут, деточка (надпись адресована С. П. Ремизовой-Довгелло — С. Д.), много из нашего записано житья-бытья: и икона, и клубки веревок, и комод, к[оторый] надо уметь отворять — это жизнь наша на Рождественской и Кавалергардской. Алексей Ремизов. 12.VII.1922» (Цит. по: *Восхальный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 23.*) Ср. в «Петушке»: «Стоит у бабушки комод, от ветхости вроде секретного — средний ящик никак не отворить, только с правого бока и то на палец, а про это знает одна бабушка (...) В углу киот, три образа (...) под киотом три клубка веревок: клубок толстой веревки, тонкой и разноцветных шнуточков, за многие годы собранные бабушкой» (С. 363—364). 5-я Рождественская (д. 38, кв. 2) и Кавалергардская (д. 8, кв. 28) — петербургские адреса Ремизова в 1906—начале 1907 гг.

¹⁷ На старой Басманной (в Бабушкином переулке) находилось Александровское коммерческое училище, в котором в 1891—1895 гг. учился Ремизов.

¹⁸ *Ремизов А. Встречи: Петербургский буерак. С. 28.*

¹⁹ *Ремизов А. Повести и рассказы. С. 361.*

²⁰ Там же. С. 359.

²¹ Там же. С. 362.

²² Ремизов А. Автобиография. 1912. // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 9.

²³ Ремизов А. Автобиография. 1923. // Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-

Хьюз О. Русский Берлин: 1921—1923. Париж, 1983. С. 177.

²⁴ Кобринская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 101.

²⁵ Там же. С. 124.

²⁶ Там же. С. 124.

²⁷ Ремизов А. Мартын Задека. Париж, 1954. С. 95.

²⁸ Кобринская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 127.